

ВЫСОКАЯ ИЗБРАННОСТЬ

О СТИХАХ МАЙКИ ЛУНЁВСКОЙ И ОЛЬГИ НАДТОЧИЙ

На прошедших «Липках», Форуме молодых писателей России, который вот уже двадцать два года проводит Фонд Сергея Александровича Филатова, мы с Иваном Шипниговым вели семинар журнала «Юность». Семинар был совмещенным: прозаики, поэты и даже один литературный критик. Всего двенадцать человек.

Из поэтов на страницах журнала вы прочтете двоих – Майку Лунёвскую и Ольгу Надточий. Это поэты одного поколения, даже одного года, но такой разной судьбы – и жизненной, и творческой.

Надточий – в Петербурге. Лунёвская – в селе Березовка 1-я Тамбовской области, недалеко от знаменитого (благодаря Пастернаку) Мучкапа.

Помните?

*Увижу нынче ли опять ее?
До поезда ведь час. Конечно!
Но этот час объят апатией
Морской, предгрозовой, крошечной.*

На первый взгляд, с Петербургом поэту справиться куда труднее, чем с Мучкапом. Здесь – Пастернак, а там – одна из самых существенных частей российской культуры. Преодолеть поэтическую инерцию, вписаться в исторический контекст – все это очень значительные для поэта задачи, которые в Петербурге кажутся сложнее, чем в провинции.

Впрочем, Майке Лунёвской ничуть не легче. Ей, помимо прочего, нужно справляться с главным: выражать самое земли. Дать слово оврагам и балкам, деревьям и лесам, народу (простите за это слово) и его истории, воде и небу. Все это болит и требует осмысления.

Это противоречие «город – деревня», конечно, условно, но сам лирический герой Надточий находится вне ландшафта. Он все-таки больше горожанин, сторонний наблюдатель, что нисколько не умаляет его зна-

чение и необходимость. Наоборот, это наш современник, вот он, один из нас.

*На речке царство снежной королевы,
Заснеженное скопище зеркал.
Безмолвствует река, пойдешь налево.
Направо повернешь, молчит река.*

Мою Каменную Степь нельзя назвать деревней. Это крупный научный центр, в советское время – один из важнейших по селекции зерновых в Союзе. Но что такое островок в две с половиной тысячи человек среди степных деревень и маленьких железнодорожных станций? Все одно – провинция. Так вот, мы в детстве легко отличали приезжих: они о двух наших водохранилищах, которое мы называем «морями», старым и новым, говорили «речка».

Для Лунёвской этот вопрос тоже один из ключевых: «*Но без воды это ведь все равно // речка, река, как же еще назвать?*»

*Я прихожу к Ольшанке, сажусь на дно,
воды с него не набрать.
Но без воды, это ведь все равно
речка, река, как же еще назвать?
Так я сижу и жду, что волна пойдет,
вместо нее растет широко полынь.
А река ничего не ждет,
ее берега полны.*

Река Ольшанка – всего 14 километров. И все-таки «*ее берега полны. // Не течением, а травой, не рыбой, а муравьями...*» На самом деле – памятью. Человеческой. Природной. Дать ей слово – что может быть для поэта важнее?

Противоречие «человек – природа» в этом смысле выглядело бы естественнее, чем «город – деревня». Но и оно вполне условно.

Надточий:

*Не люди, нет, но отзвуки людей
Волнует разыгравшуюся память.
Шаги и голоса, прикосновения,
И шорохи, и скрипы половиц,
И даже скрежет спящего – волнует –
И приближение автомобиля,
И этот лай, направленный во тьму, –
питают память, и она растет.*

Лунёвская:

*когда придет осенняя вода
готовь посуду
вот ласточки сидят на проводах
печаль повсюду
...
садовый труд как сумма груш и грыж
и труд бумажный
а то что ты со мной не говоришь
уже не важно*

Важно направление взгляда, как сказал бы другой замечательный поэт, Аман Рахметов. И тут, и там – о человеке, через человека и для него. Если

Майка говорит *«переизбыток леса»*, уже через строку спрашивает сама себя: *«Дальше-то что? Дальше опять Россия...»*

Давно стало общим местом утверждение, что стихи сейчас почти не читают. Все привыкли к тому, что поэтические книги выходят крохотными тиражами, а вечера собирают от силы десятка три-четыре слушателей. Сегодняшние успехи некоторых литераторов, работающих по заказу (не социальному, а государственному), нисколько не опровергают этого.

Я думаю, что поэзия возвращается к самой себе, снова становясь делом избранных.

Напомню: «Камень» Мандельштама вышел в 1913 году тиражом триста экземпляров. На средства автора! Такой же тираж был и у «Вечера» Ахматовой. Пастернаковский «Близнец в тучах» – и вовсе двести. Да что там говорить: прижизненные тиражи Пушкина не превышали тысячи двухсот экземпляров, а журнал «Современник» выходил тиражом в шестьсот.

Мы не так далеко ушли.

Да, тогда было несоизмеримо меньше грамотных, но и сейчас людей, способных понимать настоящие стихи, никак не больше.

Но главное не в этом: поэт снова свободен!

И непопулярность поэзии – не плата за свободу. Это естественный, нормальный ход вещей. Поэзия – самое элитарное из искусств, но избранным может стать каждый.

Стихи Майки Лунёвской и Ольги Надточий – необходимые компоненты этой высокой избранности. Уверен, в самом ближайшем будущем без этих двух имен будет трудно представить современную картину молодой русскоязычной поэзии.

Василий Нацентов